

УДК 17.177

ИМПЕРАТИВЫ И РЕАЛЬНОСТЬ ЭЛИТАРНОСТИ

Е.А. Евстифеева, Е.О. Подолько

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет»
(г. Тверь)

Анализируется элита как личностный феномен, с позиций императивного подхода показывается разница между элитой *in facto* и элитой *in projecto*, должным и реальным социальным поведением российской элиты, проблематизируется важность формирования элит-качеств.

Ключевые слова: *элитарные качества личности, императивный подход, российские реалии.*

Сегодня особо значимым становится осмысление элиты и элитарности как личностного феномена, наполняемого социально-проблемным, ситуативным «содержанием» российских реалий. Полученные в последних отечественных междисциплинарных исследованиях данные по теме элиты и элитарных качеств позволяют говорить об огромной пропасти между элитой *in facto* и элитой *in projecto*, должным и реальным социальным поведением российской элиты [1; 4; 11]. Эти результаты напоминают о пафосе принципа Д. Юма, утверждавшего невозможность скачка от «есть» к «должен», а также позволяют нарисовать не столько портрет, сколько некоторый абрис тех социальных групп, которые принято позиционировать как российскую элиту. Этот портрет не проецируется на подлинных носителей элитарных и личностных качеств, на тех, кто честно несёт свой «элитарный» крест в Отечестве.

С императивных позиций элитный тип личности во многом символизирует личностный аристократизм, что ярко себя демонстрирует в пространстве морального. В аристократическом самосознании нет расхождения должного и сущего. Основными чертами такого типа личности являются личностное своеобразие (авторство, авторитетность, ответственность), развитая индивидуальность с пассионарной интенцией, высокий личностный потенциал, духовность и высокая нравственность, представленная как благородство (высшая чуткость к справедливости, верность себе, гордость, связанная с чувством собственного достоинства); аристократическая честь, преданность идеалам и долгу; самообладание как умение владеть, регулировать собой, своими мыслями, чувствами, поступками.

В феноменологии аристократического самосознания авторство выполняет свою «ядерную» роль. В онтологической проекции речь идёт о «Я как Self, сам», о «парадигмальной фигуре отнесения результатов той или иной (прежде всего творческой) деятельности с определённым (индивидуальным или коллективным) субъектом как агентом этой деятель-

ности (гр. – autos)» [5, с. 12]. В аксиологическом ракурсе авторство полагается как исходное начало аристократической системы ценностей, аристократ созидает, творит ценности. В этом выражена уникальность, неповторимость, единственность личностного аристократизма. В социальной контексте под маркером авторства мыслится авторитет. Не случайно через символику и знаки авторитета часть исследователей феномена российской элиты сегодня идентифицируют «аристократов духа», элиту и заявляют о том, что элиты как цельного образования не существует.

Такая оценка восходит к представлениям об элитарных качествах как высоком уровне общих природных способностей (интеллекта, воли, памяти, внимания, целеустремлённости, рефлексивной направленности), как наличию природных задатков специальных способностей (организационных, технических, хозяйственных, военных и др.), об элите как лучшей части общества, как личностном авторитете, формирующей и демонстрирующей эталоны социального мышления, социального поведения, личностных поступков. Проведённые в последние годы социально-политические и психологические измерения российской элиты в ракурсе такого параметра, как авторитет, ярко демонстрируют крайне низкие значения этого предиктора у российской бизнес-элиты, политической и интеллектуальной элиты. Этот эмпирический факт требует теоретического «декодирования» авторитета как личностного и элитарного качества [6, с. 12].

Философский дискурс задаёт понимание авторитета как личностной константы, способа признания и оправданности, императивности, властности. Признание авторитета, его ценностного статуса и императивности, инициированное им экзистенциальное чувство определяются особенностями ценностно-смысловых структур сознания личности, актуальностью переживания отношения Я с Абсолютом. Наличие и признание авторитета обусловлено потребностью личности в стойкой идентификации, рефлексией «конечности бытия», своей «условности», ничтожности перед Абсолютом. Социальная опасность релятивизации и абсолютизации авторитета ведёт к деформации личности, «суженному» сознанию, является формой компенсации. «Уязвимость» авторитета в том, что он, сродни механизму самообмана, ограничивает человека в восприятии новой информации, ослабляет критическую рефлексию, оправдывает расхождение между смыслом информации и наблюдаемыми явлениями, продуцирует догматичность веровательных символов, мышления.

В психологии авторитет личности рассматривается как особое сознательно-психологическое качество личности – быть социально и психологически значимым для Другого. Личностное измерение авторитета задается такими характеристиками, как престижность (статус), надежность, правдивость (подлинность), экспертность, компетентность, симпатия, дар – способность, эмоциональность, репутация. Социально-психологический ракурс изучения феномена авторитета – феномен лидерства и лидерских

способностей. Политологический дискурс авторитет идентифицирует как важнейший фактор социально-политического порядка, потеря которого властной элитой и властными структурами является источником социально-политической дестабилизации, также под авторитетом толкуется способность политических руководителей выявлять, концентрировать и усиливать важнейшие моменты социального согласия. В социологии авторитет является комплексным интегральным качеством социального субъекта, которое складывается из многих свойств, получивших широкое признание, и выражает особого рода отношения между людьми и их общностями, которые, в свою очередь, основаны прежде всего на глубоком доверии к качествам и достоинствам его носителя.

Авторитет, понимаемый как эффект синергичности и интегративности личностного начала, как фундамент личности, в приложении к элитарным требованиям и индикаторам, приобретает своё расширительное ценностно-смысловое толкование, социально-психологическую выверенность, экзистенциальную напряжённость. Понимая всю сложность верификации качества «авторитетности», скорее его «интуитивную ясность», чем нарративную «идентичность», сегодня время кричать о потере своего авторитета российской элитой. Сошлёмся на мнения отечественных элитологов, фиксирующих отсутствие или потерю своей социальной авторитетности российской элитой. Социолог А.Е. Чирикова пишет о политической элите: «Проведённые в разные годы эмпирические исследования федеральных и региональных элит позволяют убедиться в том, что, в лучшем случае, лишь отдельные представители в российском политическом истеблишменте могут по их внутренней мотивации и стратегическому видению быть отнесены к подлинной политической элите. Но особенно тревожит то, что ни путинские реформы, ни медведевские новации, ни попытки укрепить властные институты не улучшают качества российских элит. Они остаются разобщёнными, думающими о сиюминутных интересах, но самое главное, – они не хотят или не могут справиться с теми задачами в обществе, которые диктует им их элитный статус. Политическая элита продолжает оставаться в России закрытой социальной группой, для которой внутренние противостояния и конфликты оказываются важнее, чем функции общественного управления.

Вместо того чтобы сделать все возможное для расширения элитного слоя, для развития внутренней мотивации фигур, принимающих ключевые решения в регионах, роста их открытости, Центр его сужает, делая из региональных политических руководителей зависимых и инициативных исполнителей «приказов сверху», не верящих в успех порученного дела. В результате российская политическая элита в основной своей массе отличается сиюминутной мотивацией, и прагматизмом своих действий и поведения, сервильностью, отсутствием стратегического мышления. И это вполне закономерно. Жёсткое подчинение,

управление с помощью страха быть уволенным за проявленную самостоятельность, административный отбор лояльных кадров и другие неформальные средства воздействия не могут рождать политических лидеров, способных совершить модернизационный прорыв. Российское общество ожидает от элиты служения народу, но для этого она должна обладать высоким нравственным и интеллектуальным потенциалом, быть носителем передовых достижений культуры, пользоваться доверием общественности [13, с. 732–733].

Эти «страшные» выводы о «наличности» российской элиты подтверждают наше предположение о пропасти с элитными «императивами», поскольку горизонт элитарной личности определяется её свободой, ответственностью, поступком как «фактом» личностного выбора, признанием за нею этого выбора социумом. Степени свободы, риски ответственности, единственность и исключительность поступка задают масштаб элит-качеств личности [7, с. 119–145].

Феномен личностного аристократизма (элитарности) приобретает сегодня новое очертывание в контексте вечно актуализированной проблемы социальной справедливости. С императивных позиций в утончённом переживании и чувствовании социальной справедливости проявляется благородство как доминирующее личностно и духовно-нравственное элитарное качество, как экзистенциальная и ценностная «настроенность» на справедливость. Очевидно, что чувство справедливости как индикатор аристократического благородства наполняется отличным содержанием в разных социокультурных, мировоззренческих системах, определяется масштабом и степенями свободы конкретной личности. Понятие «справедливость» меняет смысл в зависимости от субъективного горизонта. Заметим, что стремление к достижению социальной справедливости имманентно человеческой природе. Справедливость представляет собой оценку личностью, группой (в том числе элитой) собственного положения в обществе с точки зрения его соответствия сложившимся общественным отношениям и идеалам этих отношений. Поэтому справедливость есть субъективная мера, устанавливаемая в конкретный исторический период, в контексте культуры и традиций. Эта мера характеризует эквивалентный обмен между людьми деятельностью и её результатами. В аксиологической проекции справедливость представляет собой нравственную меру, санкционированную членами сообщества в качестве условия их совместного существования.

На личностном уровне этос справедливости преломляется в таких реалиях, ценностных ориентирах и поведенческих паттернах, как ответственность, доверие, желания, которые манифестируют намерения, принципы, нормы, права в повседневной социальной траектории. В идеологии ответственности, как справедливо считает П. Рикер, – вменяемость социального субъекта, личности, элиты. Субъект справедливости должен быть вменяемым (подлинным автором), ответственным (считать

себя ответственным за свои действия) [8]. Идея ответственности в социальных реалиях связывается сегодня в первую очередь с риском и безопасностью, а не с виной и восходит к социализированному управлению риском. В этом процессе роль элиты значительно максимизируется и требует особых, дополнительных способностей, компетенций, качеств (автономность, толерантность к неопределённости, когнитивная сложность мышления, принятие решений в условиях риска и др.). Вместе с ответственностью в справедливость конвертируется доверие, которое, будучи личностным качеством, индикатором коммуникаций и социальной мобильности, а также социально-экономическим механизмом, удостоверяет пространство социальной справедливости. Справедливое в широком толковании (как полная, осуществлённая жизнь) рефлексруется как объект декодирования личностных и социальных желаний.

Применяемый нами императивный подход к справедливости, требующий от элит-личности чуткости к справедливому, к сожалению, не коррелирует с российскими реалиями, что подтверждается социологическими исследованиями последних лет. Так, согласно полученным Ж.Т. Тощенко результатам по проблеме раскола общественного сознания в России, соблюдение социальной справедливости занимает в общественном сознании одно из ключевых и чувствительных мест. От 70 до 80 % респондентов считают, что социальная ответственность в России нарушена [12, с. 197]. Ещё трагичнее звучат слова Ю.М. Солодухина и М.Л. Хазина о том, что современная российская элита просто не осознает всей остроты проблемы социального раскола в обществе, который со временем не только не смягчается, а делается все более острым [10]. Такое положение, по глубокому убеждению авторов, – закономерный итог рыночных преобразований. Он прежде всего является следствием приватизации в российском варианте, когда одни группы получили необходимые капиталы и теперь вынуждены бороться за их сохранение, а другие, не получившие ничего, вынуждены бороться за обеспечение более или менее сносного существования своих далеко не богатых семей. Такое имущественное расслоение в обществе не может не рождать разнонаправленности интересов, которые со временем не только не сближаются, а напротив, расходятся. Формирующиеся при этом ценности в одной и другой группах настолько полярны между собой, что делает проблематичным сплочение российского общества, «элиты» и «массы».

Из этого вытекает, как полагает А.Е. Чирикова, очевидный вывод: «...до тех пор, пока в составе российских элит не появятся фигуры, реально заинтересованные в преобразованиях и процветании своего Отечества, пока не будут созданы механизмы переноса инноваций не только “сверху вниз”, но и “снизу вверх”, пока регионам не будут даны необходимые средства для обкатки своих экспериментальных моделей с последующим анализом получившихся результатов, пока социальная дистанция между отдельными социальными слоями столь велика и про-

должает увеличиваться, курс на инновационное развитие не имеет серьёзных перспектив» [13, с. 725].

Здесь важно также привести показательные данные представлений о справедливости тех, кто идентифицирует себя с элитой¹. Вывод исследователей таков: «В силу отсутствия единого общественного понимания сути справедливости в современной российской жизни, так же как в силу аморфности, несформулированности общей идеологии современного российского общества, многие представители элиты ищут выход в поисках справедливости в следовании законам как единственной опоре, единственном сборнике норм того, что правильно или неправильно, справедливо или нет. Тем не менее значительная часть элиты видит основой справедливости в современном российском обществе унаследованные от социализма принципы справедливости, базирующиеся на социальной ответственности государства за обеспечение граждан достойной жизнью в плане пользования материальными благами и социальной защитой.

С этими представлениями конкурируют распространённые среди многих представителей элиты мнения, что принципы свободы воли, индивидуальной инициативы были несправедливо угнетены в прошлой советской действительности, что современные рыночные реформы укрепостили личность, дали выход предпринимательской активности, развитию экономики страны и в конечном плане являются более справедливыми.

Эти общие идеологические рассуждения соседствуют с широко распространёнными представлениями среди всех слоёв элиты о том, что современное российское общество устроено несправедливо, “неправильно” и требует серьёзной переоценки и корректировки» [11, с. 85].

Стремление к достижению социальной справедливости, имманентное аристократическому благородству, может императивно рефлексироваться через акт благотворительности. Благотворительность – индикатор и константа личностного благородства, личностный поступок, момент поступания, где совпадает должное и сущее. «Трагические», скорее нулевые, показатели благотворительной деятельности российской элиты, которые отражены в исследованиях М.Н. Афанасьева [1] и др., также фигурально демонстрируют пренебрежение социальной справедливостью, что существенно снижает качество человеческого, социального капитала в России.

В своё время Н.А. Бердяев в книге «Философия неравенства» определял элиту как духовную аристократию, которая выработала такие рыцарские качества, как благородство, чувство собственного достоин-

¹ Исследование «Мировоззрение и идеология современной российской элиты» было проведено в 2007 г.

ства, честности, верности слову, готовности служить обществу, жертвенности [2, с. 127–139]. История и философия феномена благотворительности также убедительно демонстрируют социальную «знаковость» этой деятельности как антропологической необходимости, конституирующего начала личностного благородства, обострённого чувства социальной справедливости [9, с. 44–56].

Сегодня благотворительность продолжает существовать как одна из важных социальных практик XXI в., в первую очередь ассоциирующихся с причастностью к ней элиты. Помимо материальной поддержки, благотворительность предполагает сильную моральную мотивацию, она облагораживает, «приносит радость дающему и воспринимается как чудо принимающим благодеяние». В генезисе феномена благотворительности – его «личностный» характер – адресное, персональное отношение к каждому человеку, жителю, работнику. Речь идёт как о нравственном совершенствовании бедных, так и о положительных последствиях для самих филантропов [9, с. 44–56].

Герменевтика благотворительности указывает на её социальную и личностную амбивалентность. Особенно остро эта амбивалентность выражена в рамках социальных проблем социальной несправедливости, «богатства и бедности», ответственность за которые ложится в первую очередь на элиту. Весьма болезненно эти проблемы «переживаются» сейчас в России.

Сегодня, несмотря на пафосность заявления, элите «по определению» полезно было бы обратиться к отечественному опыту предшественников, благотворительная деятельность которых диктовалась осознанием общечеловеческой солидарности, стремлением устранить опасность, связанную с наличием в обществе нуждающегося населения. Так, в России к 1902 г. функционировало 11 040 благотворительных учреждений (4 762 благотворительных общества и 6 278 благотворительных заведений) [3]. А сегодня речь идёт лишь о единичных актах поступания (поступков) как актах благотворительности, что манифестирует, согласно А. Маслоу, дефицитарность потребности в самоактуализации, редукцию благородства к другим личностным качествам у российской элиты.

Список литературы

1. Афанасьев М.Н. Российские элиты развития: запрос на новый курс. М., 2009.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990.
3. Благотворительность в России. СПб., 1907. Т. 1
4. Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблемы «элиты» в современной России. Размышления над результатами социологического исследования. М., 2007.

5. Можейко М.А. Автор // Всемирная энциклопедия: Философия: XX век. / глав. науч. ред и сост. А.А. Грицанов. М.; Минск, 2002.
6. Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние: научные и публицистические заметки обществоведов / под науч. ред. О.Т. Богомолова, Б.Н. Кузыка. М., 2010.
7. Подолько Е.О. Личность и элита в социальной траектории. Ч. 1: монография. Тверь, 2011.
8. Рикер П. Справедливое. М., 2005.
9. Сидорина Т.Ю. Феномен благотворительности и моральное самосознание // Вопросы философии. 2011. №2.
10. Солодухин Ю.Н., Хазин М.Л. К вопросу о легитимности современной российской элиты // Финансы, экономика, безопасность. 2007. №9 (38).
11. Сумма идеологии. Мировоззрение и идеология современной российской элиты. М., 2008.
12. Тощенко Ж.Т. Раскол общественного сознания – угроза преобразованию России // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние: научные и публицистические заметки обществоведов / под науч. ред. О.Т. Богомолова, Б.Н. Кузыка. М., 2010.
13. Чирикова А.Е. Российская элита и её роль в общественном развитии: вызовы XXI века // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние: научные и публицистические заметки обществоведов / под науч. ред. О.Т. Богомолова, Б.Н. Кузыка. М., 2010.

IMPERATIVES AND REALITY OF THE ELITISM

Е.А. Evstifeeva, Е.О. Podolko

Tver State Technical University, Tver

Within the article's format, the elite is analyzed as a personal phenomenon. In the perspective of an imperative approach, the difference between elite in facto and in project elite, as well as between the due and real social behavior of the Russian elite is revealed. The importance of formation of elitist qualities is analyzed as a theoretical and practical problem.

Key words: *elitist qualities of the person, the imperative approach, Russian realities.*

Об авторах:

ЕВСТИФЕЕВА Елена Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», e-mail: pif1997@mail.ru

ПОДОЛЬКО Елена Олеговна – кандидат политических наук, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», e-mail: pif1997@mail.ru

Научная библиотека ТвГУ